

ЗА ОКНОМ московской квартиры, расположенной в центре города, — строящиеся вверх этажи высокого дома. Больше ничего не видно. Ни занесенных снегом крыш, ни темнеющих среди заснеженной мостовой проталин асфальта. Внимательно глядя в окно, словно стараясь разглядеть там что-то еще, Алла рассказывает:

— Мы думали, приедем в Ташкент — увидим сплошь изломанный город. Но ведь часто бывает так: представляешь одно, а на самом деле все совсем другое...

— Нет, ты начни по порядку, — говорит Стахан. — Помнишь, сошли мы с самолета и удивились: на Ташкент напали лондонские туманы.

Оба на секунду смолкают. Вспоминают, наверное. А я смотрю на них и вспоминаю, какие они на сцене, Алла Иошпе и Стахан Рахимов.

Так какие они, когда поют? Пожалуй, так же естественны, как и сейчас, в разговоре с собеседником. И эта простота, отсутствие какой-то манерности говорят о многом. И в первую очередь — о культуре. Не только культуре пения. Просто человеческой.

Наверное, именно потому мне особенно интересно увидеть их глазами город трудных человеческих судеб.

Тем временем Стахан продолжает:

— Да, такой туман стоял, какого я в своем городе просто не припоминаю. А я ведь в Ташкенте родился и вырос.

Алла смотрит на мужа с улыбкой. Говорит:

— Все-таки давай рассказывать не по порядку, а начиная с самого главного...

Ну, конечно же, самым главным было впечатление, что в городе, развороченном подземными толчками, никакого «ЧП» нет. Просто нет. Да, на улицах много разрушенных домов, попросту говоря, развалин. А рядом — очень современные здания, стены которых, кажется, сплошь состоят из стекла, и цветные шторы подчеркивают их праздничную нарядность.

Алла начинает чуть слышно напевать незнакомую мне мелодию, а Стахан поясняет:

— Это песня узбекского композитора Салихова, текст написал ташкентский поэт Полинин. Вот какие там слова:

Ты спишь, Ташкент,
Твое дыханье слышит вся страна.
Палатки, палатки,
Здесь мужество и тишина.

Полупропев, полупроговорив песню, Стахан замечает:

— Как важно было самим все посмотреть! Теперь эта песня будет в нашем репертуаре.

— Да, репертуар. Об этом обязательно надо поговорить, — вставляю я.

— О, это очень важно, — соглашается

стахан. И... продолжает рассказывать о Ташкенте и его обитателях. Вспоминает, как ташкентское телевидение снимало их концертные номера на пленку. Тут уж рассказ ведется в два голоса, «дуэтом».

Вот как это было. Приходят Иошпе и Рахимов на телестудию. В раздевалке, там, где вешалки, за перегородкой установлены письменные столы. На одном табличка: «Главный редактор», на другом — «Музыкальная редакция» и так далее.

Приводят московских певцов в павильон студии. Хозяева извиняются за беспорядок и предлагают гостям готовиться к съемке. Те опасливо косятся

на черную дырищу наверху: вдруг еще что-нибудь рухнет! Но — быстрее, быстрее, некогда! — съемка начинается. За день сняли четыре песни, за другой — столько же. А по правилам, по нормам, на одну песню дается один съемочный день. Но, видно, у ташкентских телевизионщиков и нормы свои, особые.

РЕПЕРТУАР И.. «ГЕОГРАФИЯ» ВСТРЕЧИ С ИНТЕРЕСНЫМИ ЛЮДЬМИ

сто-напросто совмещает две профессии — инженера и артиста. А это, ох, как непросто!

Вот почему в самом точном смысле этого слова можно сказать, что оба они поют от души.

...За окном давно уже темно, и крупные шашки светящихся напротив окон напоминают, что наша беседа затянулась. Но все же задаю напоследок тот вопрос, который очень меня интересует:

— Скажите, пожалуйста, как складывается ваш репертуар? Как «приходят» к вам песни?

— А они ведь и в самом деле часто приходят, — живо откликается Алла.

— Да, это так, — соглашается Стахан. — Но бывает, что и мы, путешествуя, сами их находим.

Они стараются найти не просто мелодию приятную, но и в музыкальном отношении серьезную, да и слова глубокие.

Не всякий певец-профессионал включает в свой репертуар песни непрофессионалов. И это легко объяснимо. Непросто бывает их исполнять, порой приходится прилагать много усилий, чтобы скрыть несовершенство мелодий, которое идет от неопытности, от... самодельности. Но Аллу и Стахану в этих песнях привлекает их непосредственность, искренность, неповторимое своеобразие образов и чувств. Вот почему они поют и «Балладу о малень-

ком трубаче» студентов-физиков Сергея Никитина и Сергея Крылова, «Журавлиную песню» географа Владимира Борисова, «Песню о Братске» педагога Ады Якушевой. Так как же эти песни «приходят»?

Приехал, например, из Донецка инженер Курбатов (они и фамилию-то такую раньше не слыхали). А он пришел к ним и принес ноты, распечатанные на «синьке». Обычно на эту бумагу снимают копии с чертежей. А тут вместо чертежа песня о чистоте, человеческой нетронутости. И называется она «Не трогайте снег». Или вот аспирант МЭИ Валерий Альтов прочел где-то стихотворения талантливой иркутской поэтессы Светланы Кузнецовой и написал на одно из них песню «Первый лед»: «Первый раз по таящему льду я иду к тебе, иду к тебе, иду». Ну, и предложил выпускнику своего родного института, с которым, в общем-то, знаком не был: пусть Алла Иошпе включит эту песню в свой репертуар. Включила. С удовольствием.

Казалось бы, лирика всех, если так можно выразиться, оттенков присутствует в их репертуаре. Но Стахан все больше задумывается, все больше забывается о смысловом звучании узбекских песен. Хочется ему, чтобы привлекательными в них были не только экзотика звучания, необычность чисто национальных ритмов. Ему кажется важным, чтобы каждая песня представляла собой маленькую новеллу, интересную своим содержанием.

Искать приходится в разных краях, то близких, а то и далеких. Стахан и Алла считают: у артиста должен быть не только его репертуар, но и его «география»: где был, перед кем выступал. У них самих «географический счет» открылся еще студенческими поездками на целину. Потом были и Братская ГЭС, и Обнинск, и Ангарск, концерты в Дубне, на Красноярской ГЭС, в Иркутске, Норильске... Вот она, их «география». А теперь прибавилась еще одна немалая веха на карте: Узбекистан, Ташкент.

Но ведь — и это главное — за географией стоят люди.

— Мы поем об этих людях потому, что их видели. А вместе с тем хотим их увидеть потому, что мы о них-то и поем!

...Вьются, скачут светлые снежинки, попадая в полосы света. А там, где потемнее, их не видно. И кажется — просто что-то ласковое, пушистое бьется о твое лицо. Я иду по вечерней московской улице и думаю об Алле и Стахане. Да, как это сложно — найти себя в жизни, выбрать свой путь! И, оказывается, чем больше человек разносторонен, тем труднее ему порой приходится. Труднее, но интереснее!

Е. КАБАЛКИНА.